

Крестьяне об А.Н. Островском

В записи А.М. Часовникова (1946–1947) и В.А. Маслиха (1938)

В селе Никола-Бережки всего несколько домов. В одном из них живет Иван Иванович Соболев, в другом Александра Михайловна Зернова. Ивану Ивановичу семьдесят шесть лет, а Александре Михайловне девяносто лет. Они хорошо помнят жизнь в усадьбе Островских, они могут многое рассказать о том далеком времени. <...>

— Мой отец, Иван Викторович Соболев, был специалист — резчик по иконостасной части,— говорит Иван Иванович.— Его работы можно и теперь увидеть в нашей церкви. Кроме этого, он делал весь ремонт мебели в усадьбе Островских и был принят там как свой человек.

Часто бывал с семьей Александр Николаевич в нашем доме. Моя мамаша угощала их всех медом, деревенскими колобками.

В те времена школ не было, учился я у дьякона две зимы и никак не мог одолеть трудную науку. Однажды Александр Николаевич пришел к нам (было это года за четыре до его кончины) и стал меня экзаменовывать. Мало я что мог ответить или прочитать. Тогда он сказал мне: «Приходи, Ваня, в усадьбу, буду я с тобой заниматься».

Александр Николаевич занимался со мной несколько раз. Иногда он был занят и тогда направлял меня к гувернантке или к дочери Марии Александровне. Они со мной занимались долго. Так что грамоте я научился по-настоящему у Островских.

Я каждый день посещал Щельково. Иногда Александр Николаевич рекомендовал меня своим гостям и говорил: «Это мой любимый ученик Ваня». Помню, не приготовил я урока и думаю: поставит меня в угол Александр Николаевич. В угол он меня не поставил, а спросил: «Почему ты, Ваня, не приготовил урока?» Я ответил, что виноват, прогулял. Долго Александр Николаевич смотрел мне в глаза. Стыдно мне стало. С тех пор я всегда хорошо готовился к занятиям.

Иван Иванович Соболев подробно рассказывает нам о том, как он дружил с детьми великого драматурга.

— Бегал я часто в усадьбу к его сыновьям, нередко и они приходили к нам в Бережки. Катались мы на лодке, по деревьям лазили. Детей было шестеро: Александр, Михаил, Сергей, Николай, Мария и Любовь. У нас до реки рукой подать, только в овраг спуститься. У Островских своя лодка, у меня своя. Я уже тогда помогал отцу и начал столярничать, приделал к лодке колесо. Начнешь передвигать рычаг, колесо вертится — лодку несет. Приходили смотреть на нас взрослые из усадьбы, стали звать меня «Изобретатель-самоучка».

Подарил мне Александр Николаевич рожок, он и теперь у меня хранится. Такой же рожок был и у его детей. Соберутся они гулять, загудят в рожок на берегу реки. Я откликаюсь — значит, ждут.

Часто Александр Николаевич брал с собой на рыбалку маленького Ваню Соболева. С волнением вспоминает Иван Иванович это время.

— Сидели мы однажды с Александром Николаевичем на Куекше возле плотины и рыбачили. Большая щука оборвала леску. Александр Николаевич сильно опечалился. Я бросился в воду, чтобы схватить обрывок лески со щукой, но — увы! — опоздал. Щука ушла в глубину. Тогда Александр Николаевич сказал: «Что ж, Ваня, делать, не наше счастье». <...>

Вспоминает Иван Иванович и о любительских спектаклях в усадьбе Островского.

— Интересно нам, ребяташкам, было. Облетит слух — спектакль в усадьбе, мигом все прибежим. Выступали гости, жена, а на ролях попроще — парни и девушки из деревни и прислуга. Для устройства спектаклей был построен специальный сарай.

Александр Николаевич, бывало, сидит впереди в кресле, смотрит, как играют, и что-то записывает в книжечку.

Хорошо помнит Иван Иванович те времена, когда в троицын день устраивались народные гулянья на ключе в Ярилиной долине. Здесь девушки и парни водили хоромы, пели народные песни. Сюда приезжали торговцы с разными товарами. Островский приходил на гулянья со всем семейством, покупал гостинцев и оделял молодежь за их задушевные песни и веселые пляски, ласково разговаривал с народом, шутил, смеялся. Многие песни он просил повторять несколько раз и записывал их в тетрадку.

— Когда Александр Николаевич бывал у моего отца, он рассказывал ему много интересных историй, — говорит Иван Иванович. — Припоминается, как однажды вечером Александр Николаевич рассказывал моему отцу, как он с братом на перекладных первый раз ехал из Москвы в Щельково. Весь рассказ я, конечно, не запомнил, но отдельные места сохранились в памяти. Александр Николаевич очень хвалил город Ярославль, говорил, что этот город красиво расположен, понравилась ему в Ярославле набережная.

Рассказывал Александр Николаевич, как ночевали они на одном постоялом дворе. Расхваливал он одну девушку, которая прислуживала им. «Такой умницы да красавицы, — говорил он, — я еще не встречал. Нужно о ней написать».

Хорошо помнит Иван Иванович, когда в Бережках хоронили великого русского драматурга.

— Народу было видимо-невидимо. Вся округа запечалилась. Тогда мне было четырнадцать лет. Этот день врезался в памяти на всю жизнь. Из Москвы, Петрограда и других городов приехали друзья и знакомые писателя. Церковь, где проходила панихида, не могла вместить всех, кто пришел отдать последний долг великому человеку. Крестьянские ребяташки разместились на деревьях, на крышах, на церковной ограде. Около могилы Александра Николаевича друзья произносили речи и делились воспоминаниями. <...>

Девяностолетняя современница Островского Александра Михайловна Зернова отлично помнит, как она говорит, своего доброго барина.

<...>

— Много забылось. Память плоха стала, но скажу одно, — что Александр Николаевич хороший был писец. Писал он и в кабинете, и в лесу, сидя на лужайке, на берегу речки. Муж мой был дьякон. Голос у него был огромный. Все Островские ходили слушать его в церковь. А сам барин Александр Николаевич никогда в церковь не ходил. Он все театром занимался, представления разные репетировал.

Доброй души был человек. Крестьяне на него не обижались. Он им лес давал бесплатно и косить разрешал в своих лугах и усадьбе. Лично у меня была большая семья: пять сыновей и три дочери. Островские нам помогали, покупали одежду детям, платили за обучение.

Мне было двадцать восемь лет, когда умер Александр Николаевич. Жена его в это время с детьми была у нас в Бережках в церкви. Прибежал их работник и говорит: «Александр Николаевич скончался». Мария Васильевна, его жена, сначала не поверила, потом с ней сделалось дурно, страшно расстроилась.

Похороны были важные. Знаменитые люди прибыли из разных городов. Речей произносили много, все заслуги нашего барина отмечали. А Мария Васильевна еще двадцать лет прожила, часто заходила ко мне погоревать о муже и все плакала, плакала... <...>

Посещая с 1936 года Щельково, бродя по окрестным деревням, я встречался с крестьянами, помнившими Островского.

Андрей Кузьмич Куликов из Новой деревни исправлял у Островских должность посыльного.

С сыном Андрея Кузьмича — Василием Андреевичем, или дедом Василием, как все его звали, мне посчастливилось встретиться в Новой деревне. Он хорошо помнил, как вместе с отцом бегал в усадьбу. И если Александр Николаевич бывал дома, рассказывал дед Василий, выйдет, бывало, на крыльцо, отцу указания даст, а меня к себе подзовет, по голове потреплет и спросит, как живу и учусь ли грамоте. И так, бывало, наставительно скажет: «Учись, Вася, учись». А в праздники всегда давал нам сладости.

— По осени отец мой на реке жерлицы на ночь ставил. Стемнеет, бывало, он и уходит, и я за ним бегу лягушек на крючки цеплять. В ямах под корягами налимы водились, мы их и ловили. Вот так раз ставим мы снасти, смотрим, лодка по течению плывет, на носу смольняк горит. Подъезжает ближе, видим, стоит в лодке Александр Николаевич и в руке острогу держит — рыбу бьет. Охота эта большой сноровки требует. А на другой день пришел к нам в деревню и просит отца, не продаст ли он ему налимов. Отец только посмеялся, выбрал самого крупного и отдал Александру Николаевичу, а чтоб денег за это брать, отец и слышать не хотел. Не могу, говорит, такой грех на душу взять. Помогал нам много Александр Николаевич.

В деревне Субботино тихо доживала свой век Анна Никитична Смирнова, служившая по летам у Островских в качестве горничной. Она хорошо знала уклад жизни семьи драматурга, и рассказ ее не лишен интереса.

— По нашему крестьянскому обычаю, мы рано вставали, — начинала свой рассказ Анна Никитична. — Солнышко еще не высоко стояло, бежишь, бывало, на колодец за водой и видишь — спускается по тропке под гору Александр Николаевич с ведерком и удочками в руках. Любил он очень ловить рыбу и ловил каждое утро, даже в плохую погоду. Это когда не было работы. А когда начинал писать, то работал спозаранку допоздна; из кабинета выходил только к чаю, к обеду да к ужину. Работал он много, и мы, бывало, только удивлялись, как у него сил хватало. Семья была большая, а работник-то он был один. Бывало, не выдержишь, улучишь минуту и скажешь ему: «Отдохнули бы, Александр Николаевич», — а он только вздохнет и ответит: «Некогда, Аннушка, некогда, пьесу-то друзья ждут и в Москве и в Петербурге». Бывало, свет горел у него в кабинете за полночь. Любил он, чтобы вокруг него были люди. Ведь сколько народу гостило в усадьбе каждое лето. Весь флигель бывал занят. Приезжали знакомые актеры и друзья. А бывали и такие, которые пешком из Кинешмы приходили — на лошадей денег не имели. И всех-то Александр Николаевич встречал с радостью, а которым и помогал.

Затейник был большой. Соберет, бывало, семью всю и гостей и поедут пить чай на реку Сендегу к деревне Сергееве. Место-то там больно красивое — луг большой, а кругом лес высокий. Ягод да грибов там было всегда много. Погуляют, ягод наберут и соберутся все у самовара, а из деревни ребятишки прибегут на приезжих поглядеть, и каждого Александр Николаевич конфетами оделял. И все это от души, да с добрым словом.

В деревне Ладыгино, примыкавшей к усадьбе, познакомился я с Василием Николаевичем Кожакиным, местным лесничим. Во время наших бесед и он поделился своими воспоминаниями.

— Был я тогда совсем еще маленьким, Александра Николаевича почти не помню и зря рассказывать не стану, — говорил Кожакин. — А вот хорошо запомнились мне похороны Александра Николаевича. От дома до церкви несли его на руках крестьяне. Дед мой нес крышку гроба, а я, ухватившись за край его рубахи, шел рядом. Приезжих из Москвы было не так уж много, а мужиков да баб из ближних и дальних деревень собралось большое множество. В церковь вошли только немногие, она у нас небольшая,

остальные слушали службу, стоя под окнами. Время было летнее, жаркое, и окна были настежь открыты. Вернулся я с дедом домой, он и говорит мне: «Вот, Васька, помни, как мужик своего заступника в последний путь проводил». Я-то, конечно, не помню, только отец и дед всегда говорили об Александре Николаевиче как о заступнике за мужика у тогдашних властей.